

УДК 324

АМЕРИКАНСКИЕ КОНСЕРВАТИВНЫЕ ВОЛНЫ

© 2016 г. **В.Н. Гарбузов***

Статья поступила в редакцию 24.02.2016.

Автор анализирует консервативные волны в США во второй половине XX – начале XXI века. Он выделяет шесть консервативных подъёмов, характеризует их причины и специфику. На конкретных примерах видно, что наиболее ярко современный американский консерватизм проявлялся в виде периодических подъёмов (волн), которые провоцировались предшествующей им чрезмерной социал-либеральной активностью, связанной, как правило, с деятельностью демократических администраций.

Ключевые слова: *американский консерватизм, консервативные волны, маккартизм, сострадательный консерватизм, Движение чаепития, Джеб Буш, Дональд Трамп*

Подъёмы консерватизма

Принято считать, что американское общество в основах своих является либеральным. О либеральной традиции в США писали давно и много. Действительно, на протяжении десятилетий именно она формировала и сам общественный организм, и политические институты страны, оказывая тем самым серьёзное воздействие на специфику американского общества и характер самого государства. Но не менее значительной оказалась и другая традиция – консервативная, развивавшаяся параллельно с первой [4, с. 43–46].

Чередование либерального и консервативного подходов, как справедливо отмечает В.В. Согрин, сопровождалось сменой у руля власти одной из двух главных партий другой [6, с. 256]. Причём, каждый новый либеральный подъём в США выступал в роли своеобразного и явного провокатора, неизбежно вызывая подъём консервативный, являвшийся как свидетельством неприятия перемен и ответом на них, так и попыткой закономерного (и ожидаемого) реванша.

Такие волны, так или иначе, аккумулировали в себе разрозненные консервативные потоки, формирующиеся в американском обществе. Они неизбежно оказывались и питательной средой, и движущей силой Республиканской партии, знаменем которой консервативные идеи и ценности служат уже многие десятилетия*.

В современной политической истории США (после окончания Второй мировой войны до наших дней) зафиксировано шесть мощных консервативных

* **Гарбузов Валерий Николаевич** – доктор исторических наук, директор ИСКРАН. Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3 (valgar@rambler.ru).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект «Российско-американское сотрудничество и противоборство. Значение для национальной безопасности России» № 15-37-11138).

* В 2004 г. около 80% избирателей, считающих себя консерваторами, голосовали за республиканцев.

подъёмов. Конечно, уровень консерватизма в каждом из них оказывался разным. Неодинаковым был и состав консервативных сил, поднимавших очередную волну, созданную конкретной ситуацией. Она-то и придавала каждому подъёму индивидуальную неповторимость и своеобразие.

Первая консервативная волна (1950–1957 гг.) в Соединённых Штатах была спровоцирована послевоенным сдвигом влево в Европе, укреплением позиций СССР, формированием биполярной структуры мира, ставшей основой «холодной войны». Всё это в массовом сознании, прежде всего консервативных американцев, рождало опасения, и даже страхи, формируя питательную среду для *маккартизма* – явления, связанного с активностью сенатора Дж. Маккарти, проявлявшейся в поиске «внутреннего врага», преследовании инакомыслящих и масштабной «охоте на ведьм». Изрядно встряхнув Америку, с течением времени маккартизм (оказавшийся слишком «грубым» и примитивным для неё) всё-таки сошёл на нет.

Тем не менее, именно тогда консерватизм стал важным фактором общественной и политической жизни США, влиявшим на сам ход и характер политического процесса в стране. Отныне он прочно ассоциировался с Республиканской партией, хотя значительная часть консерваторов связывала свою судьбу с так называемыми диксикратами – демократами Юга, бывшего колыбелью американского традиционализма. Сложившаяся в ту пору двухпартийная республиканско-демократическая консервативная коалиция контролировала власть в Конгрессе до 1963 г., став основой так называемого консервативного согласия, сформировавшегося в годы президентства Д. Эйзенхауэра.

Вторая консервативная волна (1964–1968 гг.) явилась спонтанным ответом правых на курс президентов-демократов Дж.Ф. Кеннеди и Л. Джонсона (особенно). Их политика «Новых рубежей» и «Великого общества» вызывала раздражение, открытый, стихийный, плохо организованный протест консервативной Америки, вылившийся в движение Б. Голдуотера – образец необузданного, «тупого», маргинального ультраконсерватизма, так и не добившегося своих целей. Победа на первичных выборах Республиканской партии и последовавший за нею провал Голдуотера на выборах президента в 1964 г. свидетельствовали о том, что одного лишь неприятия либерального реформизма и открытой ненависти к нему для прихода к власти консервативных сил в США явно недостаточно. Для этого необходимы были собственная «повестка дня», сплочение, организация, предвыборная стратегия, нацеленная на объединение различных консервативных потоков в одно мощное русло. Иными словами, необходима была стягивающая «консервативная сеть», которая тогда, в сущности, отсутствовала. Но вскоре час консерваторов пробил.

Третья консервативная волна (вторая половина 1970-х – 1980-е годы) была связана с «собранием» американских правых, активизацией консервативной пропаганды через СМИ, формированием «консервативной сети», институализацией разрозненных консервативных сил, приданием им большей респектабельности и долгожданной наградой – громкой победой на президентских выборах 1980 г. лидера правых республиканцев Рональда Рейгана, ставшего тогда «знаменем» многочисленных отрядов американских консерваторов. Новый «консервативный рассвет» сделал возможной вторую (после Голдуотера) их

попытку прихода к власти. Она оказалась хорошо подготовленной, закономерной и потому успешной.

Во второй половине 1970-х годов в американском обществе сформировался целый комплекс экономических, социально-политических и идеологических предпосылок, приведших к консервативному повороту и победе Рейгана. Ухудшение основных показателей экономического развития страны, структурный кризис американского хозяйства и региональные сдвиги в его развитии сопровождались развивавшимся на протяжении полутора десятка лет «кризисом доверия» между населением и властью. Последняя оказалась не в состоянии разрешить сложные проблемы, возникшие во внутренней и внешней политике государства в этот период. Неудовлетворительная ситуация в американской экономике свидетельствовала о том, что прежние кейнсианские методы регулирования, являвшиеся надёжной основой социал-либерального варианта государственного вмешательства в экономику, взятого на вооружение в 1933 г. ещё президентом Франклином Рузвельтом и успешно применявшегося почти полвека, впервые стали давать серьёзные сбои.

Реакцией на развивавшиеся в течение длительного времени экономические и политические процессы стало заметное усиление консервативных настроений и постепенный сдвиг значительной части американского общества и правящей элиты страны вправо. Развитию и укреплению этих тенденций способствовало формирование очень широкой, аморфной, организационно раздробленной, но, тем не менее, достаточно влиятельной, консервативной коалиции. Коалиции, состоявшей из движения «новых правых», новых богачей Солнечного пояса, консервативных демократов южных штатов, неоконсерваторов-интеллектуалов, «мозговых трестов» и, конечно же, Республиканской партии. Всё это придавало некогда маргинальному движению отсутствовавшую прежде необходимую респектабельность и силу.

Идейным воплощением взаимодействия всех элементов этой консервативной коалиции стала философия *рейганизма*, представлявшая собой как один из вариантов консервативной идеологии и политики, сформировавшийся с середины 1960-х годов, так и своеобразный синтез всех основных разновидностей идеологии современного американского консерватизма.

Идейно-теоретическими основами и компонентами рейганизма являлись: в экономике – экономическая теория предложения, согласно которой достижение благоприятного баланса между спросом и предложением возможно не привычным путём воздействия на спрос за счёт бесконтрольного роста федеральных расходов, а с помощью их сокращения и стимулирования частных инвестиций путём целенаправленного значительного снижения налогов; в социальной сфере – концепции антиэгалитаризма, доказывавшие необходимость ограничения государственного вмешательства в социальные отношения; в политической сфере – идеи о деструктивном воздействии государства на свободную личность.

Победа лидера консервативной коалиции Рональда Рейгана на президентских выборах 1980 г. положила начало консервативным преобразованиям (снижение налогов, сокращение регулирующих функций государства и, как следствие, социальных программ, монетаристская денежная политика) – так назы-

ваемой *рейгановской революции*. Она привела к модернизации сложившегося после «Великой депрессии» самого механизма государственного регулирования социально-экономической сферы США, к его адаптации к новым реалиям последней трети XX века [4].

Именно этот, рейгановский (*респектабельный*), консерватизм и явился апогеем в эволюции всего современного американского консерватизма, вершиной, на которую после Рейгана (ставшего ещё при жизни «иконой» правых) так никому и не удалось взобраться.

Четвёртая консервативная волна (1994–1998 гг.) была вызвана неприятием республиканцами победившего на президентских выборах 1992 г. лидера «новых демократов» У. Клинтона, сумевшего с помощью концепции «третьего пути» расширить электоральную поддержку своей партии. Основой этого консервативного реванша стал «*Контракт с Америкой*» республиканца Ньюта Гингрича, спикера Палаты представителей, добивавшегося (путём жёсткого противодействия всем инициативам демократов и отстранения от должности президента Клинтона) смещения общественных предпочтений в пользу консерватизма. Однако ни изощрённая травля Клинтона, ни импичмент как орудие политического реваншизма не привели тогдашних консерваторов к успеху, а дали обратный эффект: очередной «консервативный рассвет» откладывался, а сам объект нападков демонстрировал завидное хладнокровие, жизненную силу и растущую популярность.

Пятая консервативная волна (2000–2008 гг.) стала новой, более утончённой, реакцией консервативной Америки на президентство У. Клинтона, ответом «беспринципному» клинтоновскому псевдолиберализму. Первоначально она была оформлена в виде концепции «*сострадательного консерватизма*», которую в период избирательной кампании 2000 г. (в качестве противовеса как политике Клинтона, так и «бесчеловечному» рейганизму) взял на вооружение Дж. Буш-мл. Стремление расширить электоральную базу, попытки привлечь на свою сторону колеблющихся избирателей за счёт придания Республиканской партии более привлекательного образа, казалось бы, делали из Дж. Буша-мл. «республиканского Клинтона», который представал в облике долгожданного партийного и общественного реформатора. Однако теракты 11 сентября 2001 г. и последовавшая за ними «война с террором» отодвинули «консервативное сострадание» республиканцев на второй план, так и не позволив в полной мере раскрыть заложенный в нём реформаторский потенциал.

Шестая консервативная волна (2009 г. – наст. время) представляет собой спонтанный консервативный ответ на победу Б. Обамы на президентских выборах 2008 г. и его «леворадикальную» повестку дня. Спустя всего лишь несколько дней после инаугурации первого чернокожего президента, в январе – феврале 2009 г., по стране прокатилась серия неожиданно громких и многочисленных протестов, напоминавших массовый психоз американских консерваторов по утрате «настоящей Америки» [1, с. 61–102].

Организаторами этих шумных публичных акций выступило ультраконсервативное «Движение чаепития» (*Tea-party movement*) [14], названное так в память о Бостонском чаепитии 1773 г. Оно представляло собой наспех сколоченное (при помощи интернета) движение белых американских обывателей,

жителей консервативной глубинки, пришедших в ужас от «коммунистической» политики Обамы – роста федеральных расходов, усиления государственного контроля, стремления «национализировать» шестую часть американской экономики путём реформирования системы медицинского обеспечения и пр. Спровоцировавшая этот консервативный всплеск, расходившаяся с видением отцов-основателей политика Обамы, по их мнению, угрожала привычному образу жизни американцев, наносила непоправимый урон самой сути американского видения мира.

Вслед за первыми акциями движения последовали широко освещавшиеся консервативной прессой, в особенности телевизионным каналом «Фокс ньюс», согласованные протестные действия в масштабах всей страны. В марте 2010 г. «Движение чаепития» оформилось окончательно: отныне оно представляло собой рождённые консервативной Америкой, не связанные друг с другом жёсткой структурой и единым руководящим центром, не имеющие одного яркого лидера многочисленные группы (свыше 3 тыс.), разбросанные по всем штатам. Его участники – религиозные, консервативные белые с англосаксонскими корнями жители провинциальных городов Среднего Запада, крепкие состоятельные консерваторы, представители среднего класса зрелого возраста, главы больших семейств, постоянно голосующие за республиканцев.

Их протест (именно протест) был направлен против всей политики Обамы: и против повышения налогов, и против монополизма политических партий, и против бездушия вашингтонского истеблишмента, которому безразличны нужды американских обывателей. Программа этого протестного движения вполне могла бы претендовать на кредо либертарианцев. В её основе было пять главных идей:

1. Финансовая ответственность государства (необходимость уменьшения федерального долга, сокращение чрезмерных государственных расходов).

2. Сокращение налогов, которые расходуются на социальные программы для бедных, фиксируя тем самым их состояние и образ жизни, несовместимый с американскими ценностями.

3. «Ограниченное правительство» вместо «большого правительства», которое лишь способно увеличивать свои полномочия за счёт ущемления прав свободных граждан, делая их зависимыми от подачек в виде социальных программ и субсидий.

4. Свободный саморегулируемый рынок.

5. Свободная и ответственная (прежде всего за свою судьбу) личность.

Идеи эти дополнялись отстаиванием традиционных консервативных ценностей: защита семьи, религиозное образование, запрет абортов и однополых браков, ограничение иммиграции и борьба с нелегальными иммигрантами, право на ношение оружия, соблюдение буквы и духа Конституции США и т.п. Весь этот привычный консервативный набор был одобрен изрядной долей популизма и даже откровенного (но чаще всё же скрытого) белого расизма. Чёрный президент в Белом доме был явно не по душе активистам нового общественного движения, боявшимся «потерять Америку».

Справедливости ради стоит отметить, что «Движение чаепития» никогда не претендовало на роль третьей политической силы. Это массовое праворади-

кальное общественное течение в защиту традиционных консервативных ценностей не выдвигало своих кандидатов. На промежуточных выборах 2010 г. оно использовалось многими республиканцами как своеобразный трамплин для личного продвижения. Тогда 130 конгрессменов и около десятка сенаторов поддержали идеи «чайного движения». В его поддержку высказался и бывший спикер Палаты представителей Ньют Гингрич.

Отсутствие единого руководящего центра, общенационального лидера, как и сама децентрализованная, сетевая структура движения с минимальным штатом сотрудников, повышали его мобильность и делали реальной силой именно на местах и в штатах. Это была умело организованная инициатива масс, формировавшаяся от «корней травы» и моментально при помощи интернета распространившаяся по всей стране. В сущности «Движение чаепития» стало отчаянной попыткой перестройки, реформирования Республиканской партии снизу, проявившейся в условиях её затянувшегося многолетнего идейного, лидерского и электорального кризиса.

Правда, наиболее заметными политиками, причастными к становлению движения, были некоторые республиканцы – конгрессмен Рон Пол (будущий участник праймериз 2012 г.) и его сын – сенатор Рэнд Пол. Часто на митингах, организованных движением, присутствовала и Сара Пейлин*, её выступления служили неплохой приманкой для новых сторонников. Всё это, а также крупные пожертвования со стороны ряда сочувствующих миллиардеров и консервативных групп сделало новое движение довольно заметной силой в американском обществе. Трудно сказать, насколько велик был масштаб влияния «чаёвников» на американцев. По разным оценкам, в 2011–2012 гг. взгляды активистов движения разделяли от 10 до 30% населения США [14].

Активизировались и религиозные консерваторы. Летом 2009 г. евангелист Ральф Рид, возглавлявший популярную «Христианскую коалицию», сформировал новую консервативную коалицию «*Вера и свобода*». При этом он заручился поддержкой ряда потенциальных претендентов-республиканцев – конгрессмен от Миннесоты Мишель Бакман, бывшего губернатора Массачусетса Митта Ромни, бывшего губернатора Юты Джона Хантсмана. По мнению экспертов, среди современных правых религиозных объединений данная коалиция едва ли не самая важная – она знает как «добывать голоса» избирателей [9].

Республиканцы, воспринявшие победу первого чернокожего кандидата в президенты в 2008 г. как политическую аномалию, с завидным упорством стараются исправить «ошибку», совершённую, по их мнению, американским электоратом дважды (в 2008 и 2012 гг.). Они неоднократно торпедировали многие инициативы администрации, противились поискам разумного компромисса, намеренно обостряли отношения и с фракциями демократов в обеих палатах Конгресса, и с самим президентом, открыто демонстрируя нежелание налаживать пути сотрудничества и достижения политического консенсуса.

«Оказавшийся в Белом доме Б. Обама – левый радикал, разрушающий сами основы американского общества и государства». Именно такой стереотип на

* В 2008 г. Дж. Маккейн – кандидат в президенты от Республиканской партии выдвигал С. Пейлин в кандидаты на пост вице-президента.

протяжении последних лет стремились сформировать в массовом сознании избирателей обиженные американские консерваторы, оказавшиеся в состоянии шока. Именно они сразу же после первой победы Обамы в 2008 г. организовали «Движение чаепития», быстро ставшее мощным инструментом ультраконсервативного реванша.

Серьёзным средством давления на президента стала и Палата представителей, республиканское большинство в которой установилось ещё раньше – в результате промежуточных выборов 2010 г. Именно республиканцы устраивали непрекращающиеся обструкции всем президентским инициативам, стремясь показать их никчемность и пустоту. (Следует учесть, что чрезмерный экономический или социальный активизм «большого правительства» всегда пугает консервативных американцев).

Эти усилия не прошли даром. Сенат, большинство в котором до недавнего времени сохраняли демократы, остававшийся последней надеждой и опорой Обамы на Капитолийском холме, после выборов 2014 г. всё-таки перешёл под контроль республиканцев. Укрепились позиции республиканцев и в Палате представителей: там они в результате выборов получили 244 места (демократы – 186). Впервые с 1996 г. Республиканская партия обеспечила себе большинство в обеих палатах Конгресса. Америка в очередной раз сдвинулась вправо. О консервативном повороте в масштабах страны свидетельствовали и итоги выборов губернаторов, и результаты избирательных кампаний в законодательные собрания штатов. По мнению экспертов, подобных сдвигов в сторону консерватизма в США не наблюдалось более 60 лет [3, с. 162–189].

Сегодня, когда «рейгановская консервативная коалиция» ушла в прошлое, а сами консервативные силы оказались размыты и слабы, со всей очевидностью возникает проблема их будущего, а значит и перспектив самой Республиканской партии.

Но есть и другой момент. И связан он с долговременной тенденцией эволюции американского общества. Приведёт ли изменение его этно-расовой структуры в пользу чёрных, цветных и испаноязычных к переменам в идеях и социальных предпочтениях электората в пользу либеральных ценностей, а вместе с ними – к неизбежной сдаче консерватизмом своих прежних позиций? Не сыграет ли сокращающийся электорат Республиканской партии с ней злую шутку? Вопросы эти волнуют многих и не только самих консерваторов, показывающих удивительную неспособность приспосабливаться к новым обстоятельствам и вызовам времени.

Конечно, сегодня, как и десятилетия назад, надёжные «бастионы» консерватизма в США – по-прежнему так называемые «красные» штаты американского Юга, Среднего Запада, Запада, штат Аляска.

Причём, жители сельской местности, обыватели американской глубинки, как и прежде, предпочитают консервативные ценности и голосуют преимущественно за республиканцев. Обитатели же больших городов, а особенно мегаполисов, – неизменно либеральны и отдают свои голоса, как правило, демократам. При этом следует иметь в виду, что в США существует и колеблющийся электорат, для него и самоидентификация, и избирательная активность

всегда представляли серьёзную проблему, которая в итоге (чаще всего, на федеральных выборах) становилась и проблемой всей страны.

Что же касается консерватизма, то его (как и либерализм) следует воспринимать в качестве постоянно действующего, неисчезающего фактора общественной и политической жизни этой страны. Существовая порой в «дремлющем» состоянии, он непременно даёт о себе знать (зачастую спонтанно, в виде социальных «психозов» и иных выплесков), когда происходит обострение внутриполитической ситуации, развивается «кризис доверия» между государством и обществом, когда расстановка мировых сил меняется не в пользу США. В таких случаях и американское общество, и американское государство сдвигаются вправо. В общем, консерватизм просыпается в момент, «когда Америке плохо»*, активизируя при этом все свои материальные, политические, людские, идейные и пропагандистские ресурсы.

Имея свои организации и движения, собственные исследовательские институты – «мозговые тресты», свою информационную сеть (прессу, радиостанции, телевизионные каналы), консервативные силы и сегодня оказывают серьёзное воздействие на миллионы американцев, значительная часть которых (от 40 до 50%) отождествляет себя с консерватизмом.

В преддверии выборов 2016 г.

Избирательная кампания по выборам президента 2016 г. в США идёт полным ходом. Любые выборы в США индивидуальны, а тем более – президентские. И не только потому, что этому способствует сам состав участников избирательной гонки. Каждые четыре года в стране меняется политическая атмосфера, формируются новые тенденции. Это и создаёт климат, который существенно влияет как на ход выборов, так и на особенности нового политического цикла.

После победы левого демократа Б. Обамы на президентских выборах 2008 г. (воспринятой консервативной Америкой как угроза сложившимся устоям общества) на политической сцене США началась активизация американских правых и наметился отчётливый сдвиг в сторону консерватизма. Этот сдвиг олицетворяли родившееся в 2009 г. «Движение чаепития», а также последовавшая затем серия побед республиканцев на промежуточных выборах в законодательные федеральные и местные органы власти и на выборах губернаторов штатов. Спровоцированный Обамой и его политикой подъём консервативной волны, несомненно, стал тем политическим фоном, который внёс своеобразие и определяет предвыборную атмосферу 2016 г. в США. Однако современная консервативная волна развивалась параллельно с затянувшимся кризисом Республиканской партии.

К президентским выборам 2016 г. главные политические силы США подошли с разным запасом прочности. Консервативный авангард – «Великая старая партия», как зачастую именуют Республиканскую партию сами американ-

* В одной из бесед с автором «отец» американского неоконсерватизма Ирвинг Кристал как-то заметил, что консерватизм в США становится востребованным тогда, когда в стране накапливается слишком много проблем, «когда Америке плохо».

цы, оказалась далеко не в лучшей форме. Ей пришлось столкнуться с тремя кризисами сразу.

Электоральный кризис. Продолжающиеся сдвиги в американском электорате оказали и оказывают существенное влияние на расстановку политических сил как в стране в целом, так и внутри политических партий. Расширение потенциального электората Демократической партии (главным образом за счёт испаноязычных граждан) даёт ей на нынешних выборах неоспоримое преимущество. При условии сохранения и развития собственного мобилизационного потенциала (на фоне продолжающегося сокращения электората Республиканской партии) демократы, казалось бы, имеют гораздо более благоприятные стартовые электоральные возможности. Для республиканцев же проблема электоральной поддержки, которая и раньше проявляла себя, стала приобретать все более угрожающий характер. Республиканский электорат неуклонно сокращается и становится менее сплочённым.

Идейный кризис. Серьёзной проблемой для Республиканской партии на протяжении последнего десятилетия стал и дефицит новых идей, формулирование принципиально новой повестки дня, вокруг которой удалось бы снова (как когда-то в конце 1970-х годов) сплотить не только разные потоки консервативного движения страны, но и колеблющийся электорат, молодёжь, а также растущее испаноязычное меньшинство, более тяготеющее к Демократической партии. Старый, неизменный набор консервативных ценностей давно стал несменяемой программой всех республиканских лидеров последнего времени, программой, которая в полной мере не учитывает меняющиеся демографические и иные реалии XXI века.

Кризис лидерства. Республиканцы и демократы и здесь имеют разные стартовые возможности. Неоспоримым фаворитом демократов, задолго до начала первичных выборов, стала Хиллари Клинтон – опытный и довольно искусный (как во внутриамериканских проблемах, так и в мировой сфере) политик, опирающийся на быстро растущий и консолидирующийся (что большая редкость) электорат.

Республиканцы же после 2008 г. так и не сумели вырастить лидера, который не только объединил бы все потоки разнородного консервативного потенциала страны, но и бросил вызов кандидату демократов и сумел одержать победу в борьбе с ним. Это не удалось сделать Дж. Маккейну в 2008 г. и М. Ромни в 2012 году.

В нынешней избирательной кампании Республиканская партия пока не может похвастаться ни наличием явного, сравнимого с Х. Клинтон, многоопытного фаворита, ни молодой беспорной «восходящей звездой», способной вдохнуть в неё свежий ветер. Даже Джеб Буш*, а тем более другие многочисленные республиканские претенденты на кресло в Белом доме (а их в начале избирательной гонки оказалось 17), вряд ли были в состоянии выступить в такой роли. Сокращающийся и раздробленный электорат республиканцев лишь закрепляет эту тенденцию.

* 21 февраля 2016 г. Джеб Буш проиграл праймериз в Южной Каролине и выбыл из игры.

Всё это со всей очевидностью свидетельствовало: реформа Республиканской партии (как, впрочем, и поиски нового лидера-реформатора) стала острой потребностью. Перемены, необходимые для политической выживаемости «Великой старой партии» назревали давно. Однако, правило *«изменись, чтобы сохраниться»* всерьёз республиканцами осмыслено так и не было. Тот факт, что задолго до начала «невидимых первичных выборов» многие эксперты терялись в догадках относительно будущего лидера республиканцев, а возможным их фаворитом называли Джеба Буша, говорит сам за себя: выбор ограничивался привычными именами и старыми идеями.

Джеб Буш: недостаточно консервативный республиканец

Джон Эллис (Джеб) Буш как и его брат (43-й президент США) родом из Техаса. Сформировавшийся в семье, в которой бизнес и политика переплелись в течение десятилетий, человек с богатым жизненным опытом и умеренно-консервативными взглядами, успешный бизнесмен и инвестиционный банкир. Бывший губернатор штата Флорида, счастливый отец большого семейства, 62-летний католик Джеб Буш, казалось бы, ещё лет 15 назад мог стать той восходящей звездой республиканцев, которой им так давно не хватало.

Однако в 2015 г. именно он вызывал наибольшие опасения у демократов. И не только потому, что за ним стоит семейный клан, большие деньги и громкое имя. Его разумные подходы к решению двух наиболее важных проблем американского общества (реформа образования и иммиграционная реформа) ещё совсем недавно делали третьего Буша в глазах избирателей если не фаворитом, то всё же наиболее предпочтительным претендентом. Именно этот недостаточно консервативный республиканец, вероятно, и мог бы бросить вызов Хиллари Клинтон.

Тем не менее, по данным опросов службы Блумберга, большинство республиканцев всё же не были расположены к Бушу, считая, что он чрезмерно «холоден и неэмоционален», «ненапорист и недостаточно интеллектуален».

Равнодушие и безразличие американских избирателей проявилось и в их отношении к другим участникам «президентского забега». Усталость от имён, от похожих друг на друга претендентов, зачастую рождает неожиданные и непрогнозируемые реакции. Именно такая реакция и произошла в самый разгар предвыборных баталий 2015 года.

Бунт Дональда Трампа

Наиболее громким и неожиданным в преддверии избирательной гонки 2016 г. стал поразивший всех успех Дональда Трампа [12] – 69-летнего строительного магната, миллиардера и телезвезды, сыгравшего в рядах республиканцев, по словам Ариэля Коэна, роль аутсайдера «особой разрушительной силы» [7].

Казалось бы, никогда ранее не занимавшийся политикой Трамп не имел особых шансов на успех. Его попытки участия в президентских выборах 2000 г. от Реформистской партии были неудачны, напоминая короткие акты

незаконченного телешоу и, казалось, даже им самим не воспринимались всерьёз. Однако очередная попытка похода миллиардера на Вашингтон в 2015–2016 гг. дала иные результаты.

Бестактный, чрезмерно самоуверенный демагог, скандалист с рыжим крашеным чубом, решивший предстать в облике шута и главного шоумена всей гонки, Трамп пришёлся по душе многим и очень быстро стал набирать голоса американских обывателей, изрядно уставших от привычного набора имен, двуличия участников большого политического спектакля и раздаваемых ими неисполнимых обещаний.

Медийная известность, популизм и необычайно яркая индивидуальность были оценены американцами гораздо выше, чем опыт государственного управления и политическая искущённость. Уже осенью 2015 г. его поддерживала четверть избирателей-республиканцев. И это невзирая на то, что резкие и нелестные высказывания Трампа по поводу нелегальной мексиканской миграции и женщин удивляли и шокировали сторонников обеих партий, всерьёз воспринявших слова новоявленного республиканского бунтаря. Он стал ниспровергателем устоев, критиком политической рутины, угрозой вашигтонскому истеблишменту.

В самом деле, одних в скандальном Трампе отталкивает то, что других притягивает: радикализм и ксенофобия, чрезмерно грубые и агрессивные высказывания, популизм, эпатаж и прямолинейность. Многие полагали, что такое громкое начало вряд ли может увенчаться победой. В его способности дойти до финальных этапов кампании мало кто верил, считая, что нежданный фаворит сойдёт с дистанции до начала праймериз, ещё осенью 2015 г. Однако популярность Трампа, как и вся его кампания, развивались вне привычных сценариев, преподнося избирателю всё новые и новые сюрпризы.

Расчищая себе дорогу на праймериз, вжившийся в роль долгожданного и желанного лидера, Трамп двигался вперед как бульдозер, взрывая своими действиями и собственную партию, и всю предвыборную кампанию, ломая весь политический процесс, складывавшийся в США десятилетиями. Своей непредсказуемостью и популизмом, своими шокирующими высказываниями и игрой на обывательском страхе он сумел сфокусировать на себе всё электоральное внимание: за лето – осень 2015 г. его рейтинг среди республиканцев вырос с 3 до 41% [13].

Любое высказывание Трампа (о мексиканских мигрантах, женщинах, конкурентах по президентской гонке, о России и Путине) оказывалось в фокусе всей кампании, провокацией, за которой одновременно следовали как шквал критики, так и подъём поддержки среди республиканцев. По данным службы Блумберга, в январе 2016 г. многие его предложения одобрялись 42–65% партийного электората. Это был бунт Трампа против политической элиты страны, переросший в его неожиданный и феноменальный успех, настоящую сенсацию всей избирательной гонки, которую не прогнозировали даже самые смелые эксперты [5].

Обещая «сделать страну снова великой», «вернуть Америку американцам», намереваясь «возродить американскую мечту», выступая против «неоконов», захвативших власть в «Великой старой партии», Трамп довольно быстро пре-

вратился в надежду белых консервативных обывателей американской глубинки, так называемых «сто процентных американцев», недовольных ростом преступности, насилия, неконтролируемым потоком цветной миграции, угрожающей основам самой Америки. Благодаря этому Трамп стал знаменем колеблющегося избирателя, который, как правило, определяется лишь на завершающих этапах избирательной кампании.

Взяв курс на раскол республиканского электората, стремясь оторвать от основной его массы неопределившихся, играя на нервах и страхах обывателя, Трамп затмил собой всех остальных претендентов-однопартийцев, сконцентрировав на собственной персоне всю их злобу и ненависть. Однако, став фаворитом консервативного общественного мнения, он одновременно превратился и в изгоя партии, воспринявшей его как позор и наказание. Стремление остановить Трампа стало мощным объединителем всех его противников. Но как помешать этому движению никто из них не знает и сегодня.

Истоки этого неконтролируемого восстания республиканского миллиардера лежат в неспособности партии к переменам, следствием чего и появилось «Движение чаепития» – та консервативная волна, которая оказалась не только ответом на политику Обамы, но по сути своей стала отчаянной попыткой реформирования Республиканской партии снизу.

В атмосфере усталости избирателя от политических дряг в Вашингтоне, в результате его разочарования после завышенных ожиданий, связанных с избранием Обамы, Трамп неожиданно для многих оказался в центре электорального внимания. И прежде всего – в центре внимания тех американцев, которые, разуверившись в прежних политических кумирах, готовы были пойти за новым.

Каковы же в связи с этим перспективы Дональда Трампа? Есть ли у него реальные шансы на победу? В сущности, перед самым популярным героем нынешней политической баталии в США открываются три пути:

Первый – неизбежный провал на праймериз, невзирая на быстро растущие рейтинги, основанные на данных соцопросов. К этому варианту склоняются многие, исходя из убеждения, что, хотя Трамп и популярен, он в силу своей неординарности, неизбираем в принципе.

Второй – реализация своей главной угрозы – выйти из Республиканской партии и объявить себя независимым кандидатом (к чему он прибегает время от времени), что повлечёт за собой раскол республиканского электората и окончательный разрыв с партией. Не обеспечив Трампу победы на праймериз, такой путь перечеркнёт его дальнейшие перспективы.

Третий – победа на праймериз. Несмотря на скепсис в отношении этого варианта в ходе избирательной кампании может произойти всё – слишком велик протестный потенциал современного американского электората.

Наблюдатели за ходом президентских выборов, следуя традиции, внимательно следят за их началом, а именно за выборами в Айове и Нью-Хэмпшире, которые собственно и открывают календарь первичных выборов в США. В этом году они прошли 1 и 9 февраля соответственно. И Трамп показал там неплохие результаты, заняв 2-е место в Айове, и став победителем в Нью-Хэмпшире. Это неудивительно: позиции Трампа в этих штатах были до-

вольно прочны как среди электората, так и среди партийных активистов и республиканской верхушки. Хотя удачный старт Трампа в двух штатах не сулит окончательной победы, он позволит ему двигаться дальше [8].

Чем же всё-таки оказался бунт Трампа для Америки? На наш взгляд, самым громким за долгие годы вызовом сложившемуся политическому порядку. И не только в Республиканской партии. С самого начала было понятно, что он вряд ли сумеет и захочет собрать все консервативные потоки и на этой волне двигаться к заветной цели (как когда-то сделал Р. Рейган). Трамп аккумулировал в себе и недовольство избирателей «большим правительством», и их нелюбовь к истеблишменту, и чувство страха перед всем тем, что угрожает привычному образу жизни, и ожидание перемен. Тем самым он привлёк внимание многих американских консерваторов, которые всё больше желают видеть у власти людей, не связанных с политикой. Неслучайно 23% республиканцев высказались за Дональда Трампа, а 18% – за Бена Карсона – претендентов, которые ранее никогда не занимались политикой, но всё же решивших штурмовать вершину государственной власти [13].

Несомненно, внутрипартийный бунт Трампа спутал карты всем остальным претендентам-республиканцам, тем самым ещё больше укрепив шансы фаворита демократов Хиллари Клинтон.

Несмотря на то что каждый претендент дистанцируется от Трампа, никто не в состоянии оттеснить его с лидирующих позиций. Так что вместо долгожданного бесспорного лидера республиканцы получили множество претендентов, в числе которых оказался и скандальный Трамп – некое подобие консервативного шаржа и живой укор партии, которая таким причудливым образом расплачивается за свою неспособность меняться и приспосабливаться к реалиям современного мира [11].

Но если не Дональд Трамп, то кто же? Уже выбыли из избирательной гонки республиканцев Джеб Буш, губернатор штата Техас Рик Пери, губернатор штата Висконсин Скот Уокер, сенатор от штата Флорида, выходец из семьи кубинских эмигрантов католик Марко Рубио. Кто же всё-таки был в состоянии составить конкуренцию Трампу в своей собственной партии? Сенатор от штата Техас, выходец из семьи кубинских эмигрантов баптист Тед Круз? Врач-нейрохирург с мировым именем чернокожий Бен Карсон или бывший губернатор штата Арканзас баптист Майк Хакаби? Сенатор от штата Кентукки Рэнд Пол или бывший сенатор от штата Пенсильвания католик Рик Санторум? Или, может быть, бизнеследи Карли Фиорина? [15]

Хотя все они в создавшейся непростой ситуации вели себя крайне осмотрительно, многие эксперты считали, что наибольшие шансы имел всё же Тед Круз. Однако смог бы он переключить фокус внимания избирателей с Трампа на себя в начале или в самый разгар праймериз, сказать не мог никто.

В этой связи возникает вопрос: когда же начнётся выход республиканцев из затянувшегося партийного кризиса? Ответа на него пока нет. Бесспорно, на наш взгляд, лишь одно – преодоление его связано с давно назревшей партийной реформой, а именно, с решением трёх крупных задач: 1) расширением электоральной базы за счёт отрыва части демократического электората (главным образом, испаноязычных) и колеблющихся избирателей; 2) идейным об-

новлением, позволяющим расширить избирательный потенциал за счёт небелых, женщин и молодёжи; 3) преодолением кризиса лидерства, выражающегося в длительном отсутствии партийных лидеров, способных привести партию к победе на президентских выборах.

Казалось бы, всё, что происходило и происходит на политической сцене Соединённых Штатов сегодня, свидетельствует о том, что с неизбежностью наступает новая эра республиканцев. Но означает ли это, что с такой же неизбежностью завершится их победой и битва за Белый дом? Вряд ли. Хотя 2016 г. и станет годом республиканцев, вероятность того, что победит всё-таки демократ всё ещё остаётся. И феномен Дональда Трампа сыграет здесь далеко не последнюю роль [2].

Консервативные волны давно стали неотъемлемой частью политического пейзажа Америки. Они возникают периодически как неизбежный ответ на чрезмерную активность «большого правительства», как реакция на политику социального либерализма, воспринимаемую многими белыми консервативными протестантами как реальную угрозу основам общества и государства, самому существованию США.

Список литературы

1. Гарбузов В.Н. Американское политическое противостояние (2009-2012) // Ситуационные анализы. Выпуск 4: Америка в фокусе российских исследователей: история и современность / Под ред. Т.А. Шаклеиной – Москва: МГИМО-Университет, 2014. 416 с. [Garbuzov V.N. American Political Confrontation (2009-2012) // Situational Analysis. Issue 4: America at the Russian Researchers' Focus: History and the Present. / Ed. T.A.Schakleina – Moscow: MGIMO-Universitet, 2014. 416 с.]
2. Гарбузов В.Н. Бунт Дональда Трампа // Российский совет по международным делам. 29.01.2016. [Garbuzov V.N. Donald Trump Riot. // Russian International Affairs Council. 29.01.2016.]. Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7182#top-content. (accessed 29.01.2016).
3. Гарбузов В.Н. Национальные модели консерватизма (Консерватизм в США) // Консерватизм и развитие: Основы общественного согласия / Под ред. Б.И. Макаренко. – Москва: Альпина Паблишер, 2015. – 332 с. (с.162-189). [Garbuzov V.N. National model of conservatism (US Conservatism) // Conservatism and Development: foundations of public consent./ Ed. Makarenko B.I. – Moscow: Alpina Pablischer, 2015. 332 p. p. 162-189.]
4. Гарбузов В.Н. Революция Рональда Рейгана. Москва: Наука, 2008. 567 с. [Garbuzov V.N. The Reagan Revolution. Moscow: Nauka, 2008. 567 p.]
5. Дональду Трампу ищут замену. // Коммерсантъ. 11.02.2016. [Donald Trump Look for substitution.// Kommersant. 11.02.2016.]
6. Согрин В.В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. – Москва: Весь Мир, 2015. 592 с. [Sogrin V.V. USA in the 20th-21st Centuries: Liberalism, Democracy, Empire. – Moscow: Ves Mir, 2015. 592 p.]
7. Уничтожит ли Дональд Трамп шансы Хиллари Клинтон на победу? Available at: <https://versia.ru/unichtozhit-li-donald-tramp-shansy-xillari-klinton-na-pobedu> (accessed 20.02.2016). (Whether Donald Trump Eliminate Hillary Clinton's odds on victory?)

8. 2016 Primary Schedule. Available at:
<http://www.uspresidentialelectionnews.com/2016-presidential-primary-schedule-calendar/> (accessed 20.02.2016).
9. <http://www.golos-ameriki.ru/content/us-faith-politics-2011-06-05-123192598/236260.html>. (accessed 20.02.2016).
10. Ben Carson is still the most popular presidential candidate. And it's not close. // The Washington Post, 10.11.2015.
11. Lindsey Graham Says Nominating Donald Trump or Ted Cruz Would Be 'Death' of the Party. Available at: <http://www.nytimes.com/politics/first-draft/2016/01/21/lindsey-graham-says-electing-donald-trump-or-ted-cruz-would-be-death-of-the-party/?module=BlogPost-Ti-tle&version=Blog%20Main&contentCollection=Politics&action=Click&pgtype=Blogs®ion=Body> (accessed 21.01.2016).
12. Make America Great Again! Donald J Trump for President. Available at: <https://www.donaldjtrump.com/>; https://en.wikipedia.org/wiki/Donald_Trump (accessed 20.02.2016).
13. New data show Trump fever breaking. Available at: <http://www.politico.com/story/2015/09/donald-trump-popularity-waning-data-213806> (accessed 20.02.2016).
14. Tea Party movement. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Tea_Party_movement (accessed 21.02.2016)
15. Who's Running for President in 2016? Available at: <http://www.uspresidentialelectionnews.com/whos-running-for-president-in-2016/> (accessed 22.02.2016).

American Conservative Waves

(USA ❖ Canada Journal, 2016, No. 5, p. 3-17)

Received: 24.02.2016.

GARBUZOV Valery Nikolaevich, Institute for the U.S. and Canadian Studies (ISKRAN), Russian Academy of Sciences. 2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation (valgar@rambler.ru).

Author analyzes American Conservative Waves of the second part of the 20th-21st centuries. The author identifies six conservative ascents, describes their causes and specificities. With concrete examples he shows that most clearly modern American conservatism was manifested in the form of periodical rises (waves), which were provoked prior excessive social liberal activity that is associated generally with the activities of the democratic administrations.

Keywords: *American conservatism, conservative waves, McCarthyism, compassionate conservatism, Tea-party Movement, Jeb Bush, Donald Trump*

About the author:

GARBUZOV Valery Nikolaevich, Doctor of Sciences (History), Director of the Institute for the U.S. and Canadian Studies (ISKRAN).